

А.И. Савин*

**ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА В РСФСР
В 1930-Е ГОДЫ: ОТ ЭКСПЕРИМЕНТА
«ПОЛИТЕХНИЗАЦИИ» К ТРАДИЦИОННЫМ
ФОРМАМ ОБУЧЕНИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2025-1-3
УДК 94(47+57)+373"193"

Выходные данные для цитирования:
Савин А.И. *Общеобразовательная школа в РСФСР в 1930-е годы: от эксперимента «политехнизации» к традиционным формам обучения // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 35–48.*
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-03.pdf>

A.I. Savin*

**GENERAL EDUCATION SCHOOL IN THE RSFSR
IN THE 1930S: FROM THE EXPERIMENT
OF “POLYTECHNIZATION” TO TRADITIONAL TRAINING****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-3

How to cite:
Savin A.I. *General Education School in the RSFSR in the 1930s: From the Experiment of “Polytechnization” to Traditional Training // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 35–48. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-03.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the system of school education in Soviet Russia in the 1930s as the main source of student recruitment. Based on a wide range of sources, the author analyzed the radical transformations of school education during the “cultural revolution” of the early 1930s. First of all, it provoked the liquidation of schools of the 2nd level, as well as the so-called “polytechnization” of the educational process. These transformations were caused by the leftist ideas of leading figures of the People’s Commissariat of Education, headed by N. Krupskaya and A. Bubnov. They stated the need to make the secondary school “proletarian”, transform it into an element of industrial production and the collective farm system, as well as the need to replace the “semi-bourgeois” school of the 2nd level with working faculties, technical colleges and schools of factory apprenticeship. Revolutionary transformations in the school education system were designed to complement the radical transformation of higher education aimed at the maximum simplification and acceleration of the process of training specialists. The article concludes that these innovations literally called into question the very existence of the school as an effective educational institution capable of directly providing trained personnel for vocational and higher education and indirectly - for the national economy and management. This is clearly proved by the actions of the top Party-Soviet leadership, which quickly realized the need to choose between the “pluses” of polytechnization of school education in the form of making schoolchildren “labor force” and the “minuses” of the failure of general education theoretical training, and, as a consequence, the failure of the entire system of vocational and higher education. As a result, in 1932 the classical classroom-lesson system of education was restored, the last vestige of polytechnic school – labor education – was cancelled as an independent subject in March 1937. The main task of general education school was declared to be the quality of training, in parallel to the normalization and unification of the educational process.

Keywords: RSFSR, general education school, 2nd level school, People’s Commissariat of Education, “cultural revolution”, polytechnization, students.

* **Андрей Иванович Савин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Andrey Ivanovich Savin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки Российской Федерации «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors" (FWZM-2024-0008).

The article has been received by the editor on 01.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется система школьного образования в Советской России в 1930-е гг. в качестве главного источника рекрутирования студенчества. На основании широкого круга источников автор подверг анализу радикальные преобразования школьного образования в ходе «культурной революции» начала 1930-х гг. Речь идет прежде всего о фактической ликвидации школ 2-й ступени, а также о так называемой «политехнизации» образовательного процесса. Эти преобразования были обусловлены левыми представлениями ряда руководящих деятелей Наркомпроса РСФСР во главе с Н.К. Крупской и А.С. Бубновым о «пролетаризации» общеобразовательной школы, ее превращении в элемент промышленного производства и колхозной системы, а также необходимости заменить «полубуржуазную» школу 2-й ступени рабочими факультетами, техникумами и школами фабрично-заводского ученичества. Революционные преобразования в системе школьного образования были призваны органично дополнять радикальную трансформацию высшей школы, нацеленную на максимальное упрощение и ускорение процесса подготовки специалистов. Сделан вывод о том, что эти новации в буквальном смысле поставили под вопрос само существование школы как действенного образовательного института, способного обеспечить подготовленными кадрами непосредственно профессионально-техническое и высшее образование и опосредованно – экономику и управление. Это наглядно доказывают действия высшего партийно-советского руководства, которое достаточно быстро осознало необходимость выбирать между «плюсами» политехнизации школьного образования в виде «орабочения» школьников и «минусами» провала общеобразовательной теоретической подготовки и, как следствие, провала всей системы профессионально-технической и высшей школы. В результате уже в 1932 г. классическая классно-урочная система обучения была восстановлена в своих правах, последний рудимент политехнической школы – трудовое обучение – был ликвидирован в качестве самостоятельного предмета в марте 1937 г. Главной задачей общеобразовательной школы было объявлено качество подготовки, параллельно осуществлялась нормализация и унификация учебного процесса.

Ключевые слова: РСФСР, общеобразовательная школа, школа 2-й ступени, Наркомпрос, «культурная революция», политехнизация, студенчество.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025 г.

Система советского школьного образования к концу нэпа находилась в процессе становления и развития, причем в этом процессе преобладали положительные тенденции: увеличивалась общая численность школ и учащихся, улучшалась материально-техническая база, росло число педагогов, постепенно сокращалась резкая диспропорция между начальной и средней школой, усиливалась преемственность между средней и высшей школой. При условии дальнейшего устранения институциональных препятствий и поступательного развития советская школа обещала превратиться в действенный образовательный институт, способный обеспечить подготовленными кадрами непосредственно профессионально-техническое и высшее образование и опосредованно – экономику и управление.

Однако в годы сталинской «революции сверху» на сферу школьного образования в буквальном смысле обрушились радикальные преобразования, поставившие под вопрос само существование школы в качестве традиционного института народного образования и главного источника рекрутирования студенчества.

Количественную составляющую революционных преобразований было призвано обеспечить введение всеобщего обязательного начального обучения, а также обязательного обучения в объеме фабрично-заводской школы-семилетки (ФЗС) в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках, о чем было объявлено с трибуны XVI съезда ВКП(б). Кроме того, предусматривался «охват школами колхозной молодежи основной массы колхозной молодежи»¹.

План введения всеобщего начального образования был практически реализован в РСФСР к середине 1931 г. В 1929/1930 уч. г. в республике насчитывалось около 84,2 тыс. школ 1-й ступени с количеством учащихся около 6 707 тыс.², в 1930/1931 уч. г. численность начальных школ выросла до 94 тыс., учащихся – до 8 969 тыс. чел.³ По данным, приведенным наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым в августе 1931 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), общее число учащихся четырехлетних школ 1-й ступени достигло в РСФСР 10 млн чел. (в СССР – 15 млн), охват детей начальной школой увеличился до 92,5 %. Кроме того, в СССР на ускоренных курсах училось еще около 3 млн детей в возрасте 11–15 лет, так называемых «переростков», не прошедших курса начальной школы⁴.

Темпы роста «повышенной» школы были еще более впечатляющими: по сравнению с 1929/1930 уч. г. (3 446 школ и 929 607 учащихся) численность школ-семилеток, ФЗС и ШКМ увеличилась в 1930/1931 уч. г. в 1,6 раза (5 637 школ), численность учащихся – примерно в 2 раза (1 865 969 чел.)⁵. По данным наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова, число фабрично-заводских семилеток по сравнению с 1929/1930 уч. г. выросло в РСФСР (без учета автономных республик и областей) в 1930/1931 уч. г. с 277 до 1 707, а число обучавшихся в них – со 132 тыс. до 1 042 тыс. чел. Прирост школ колхозной молодежи выглядел на этом фоне скромнее – с 2 253 до 2 812, численность их учащихся увеличилась со 144 тыс. до 447 тыс. чел.⁶ Впечатляющий количественный рост школ и учащихся обеспечивался увеличением государственных расходов на образование. В 1929/1930 уч. г. ассигнования на школу выросли в 10 раз по сравнению с 1925/1926 уч. г. и продолжали расти⁷.

На этом общем фоне диссонансом выглядело резкое сокращение в 1930/1931 уч. г. численности средних школ (школы 2-й ступени, школы-девятилетки и десятилетки). Уже самые первые характеристики этих школ деятелями Наркомпроса РСФСР были крайне нелицеприятными. Как писал в 1920 г. А.В. Луначарский, «школы 2-й ступени – бывшие гимназии и институты, эти рассадники чиновников-бюрократов и мягкотелых интеллигентов – для бодрой творческой жизни совершенно не годились». Не менее ругательной была также характеристика учителей школ 2-й ступени: «исключительно или ученые сухари, или чиновники, люди в фулярах, совершенно неприспособленные даже к самому поверхностному проведению в жизнь идей новой школы»⁸. Поскольку выпускники этих школ должны были по логике вещей являться основным источником рекрутирования советского студенчества, их явно непролетарский социальный состав чрезвычайно беспокоил власть.

¹ 5 февраля 1930 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР о перестройке школ крестьянской молодежи в связи с задачами коллективизации, в соответствии с которым эти школы были преобразованы в школы колхозной молодежи, призванные обеспечить «соединение всех учебных дисциплин с производственным обучением».

² Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. М.; Л., 1940. С. 40. По другим данным Наркомпроса, в 1929/1930 учебном году в РСФСР имелось 89,6 тыс. школ 1-й ступени с количеством учащихся около 7 млн чел. См.: Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы (1917–1977). Т. 2: 1928–1941. Ч. 1. М., 1985. С. 195.

³ Там же.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 48–49.

⁵ Культурное строительство в СССР... С. 40.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 48–49.

⁷ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 473.

⁸ Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь – 1920 (краткий отчет). ГИЗ: 1920. С. 35.

Так, по данным на 1 января 1925 г., в школах 2-й ступени и школах-девятилетках в РСФСР доля детей крестьян составляла 32,3 %, рабочих – 21,55 %, остальных категорий населения – 46,15 %. В городских школах 2-й ступени картина выглядела еще более «неблагоприятно» – доля детей «прочих» достигала 60 %⁹. Как отмечала коллегия Наркомпроса РСФСР в июле 1928 г., «пролетарское ядро» в составе учащихся средней школы было «совершенно незначительно», а дети рабочих, батраков и беднейших крестьян «доходили до старших групп одиночками»¹⁰.

Эту ситуацию, по признанию Наркомпроса, невозможно было исправить быстро, «влив сразу в эти школы в значительном количестве, особенно в старшие группы, детей рабочих и крестьян, <...> так как не было в достаточной степени подготовленных кадров детей»¹¹. Чтобы хоть как-то «улучшить» социальный состав учащихся, в 1925/1926 уч. г. были введены стипендии для обеспечения учеников школ 2-й ступени – детей из числа «беднейшего пролетариата»¹². Однако выделяемых средств было явно недостаточно, чтобы, как заявил в декабре 1928 г. А.В. Луначарский, выступая с докладом на заседании СНК РСФСР, «обеднaczyć и опролетаризировать» среднюю школу¹³. Это выступление Луначарского дает четкое представление о двух путях решения проблемы, предлагавшихся в конце 1920-х гг. конкурировавшими между собой группами в руководстве Наркомпроса.

Радикальный вариант представляла Н.К. Крупская, которую активно поддерживало руководство ВЛКСМ. Ссылаясь на украинский опыт, где образовательный сегмент двух последних классов школ-девятилеток был преобразован в техникумы, Крупская требовала «профессионализировать» среднюю школу. Как заметил Луначарский, «комсомол думает, что если мы эти школы назовем техникумами, то в таком случае пролетариат сюда скорее пойдет, ибо он будет по окончании этой профессионализированной девятилетки иметь определенный кусок хлеба». В качестве еще одного аргумента в пользу своей позиции Крупская указывала, что по своей численности школы 2-й ступени – это лишь «волосок» в масштабе всей системы образования, и их ликвидация пройдет безболезненно.

Оппонентом Крупской выступал Луначарский, настаивавший на сохранении школы 2-й ступени. В частности, он ссылаясь на неудачу «украинского» опыта, который показал, что техникумы не могут быть источником подготовки качественного пополнения для вузов. В то же время в РСФСР выпускники школ 2-й ступени составляли, несмотря на все классовые фильтры, около 30,0 % поступавших в вузы¹⁴, а в республике в целом «этот волосок» насчитывал «полмиллиона людей». Повысить уровень «пролетаризации» средней школы Луначарский предлагал за счет серьезного увеличения стипендий «для бедноты»¹⁵.

Не имея возможности кардинально изменить социальный состав учащихся средней школы, власть поставила барьер не на входе, а на выходе из этого лифта социальной мобильности. Этот барьер в виде системы привилегий для детей рабочих и беднейших крестьян был призван минимизировать долю выпускников школ 2-й ступени среди лиц, поступивших в вузы. По данным Наркомпроса, в 1927/1928 уч. г. попасть в вузы могли рассчитывать лишь 15–16 % выпускников школ 2-й ступени и школ-девятилеток, которым удавалось не только успешно сдать экзамены, но и документально доказать свою принадлежность к «трудя-

⁹ Народное просвещение в РСФСР к 1927–28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. С. 52. Подсчет наш на основании приведенных табличных данных.

¹⁰ Культурное строительство в РСФСР... С. 150.

¹¹ Там же. С. 48, 52.

¹² Народное просвещение в РСФСР к 1926–27 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/26 учебный год. М.; Л. 1927. С. 35.

¹³ Культурное строительство в РСФСР... С. 158.

¹⁴ По данным на 1926/1927 уч. г., больше половины всех абитуриентов, поступивших в РСФСР в вузы, окончили школы 2-й ступени (54,4 %). Еще 6 % абитуриентов поступили в этом году в вузы, не окончив школы 2-й ступени. Однако необходимо учесть, что такой высокий процент выпускников школ 2-й ступени среди поступивших в вузы в этом году объяснялся тем, что в 1926 г. впервые в советской истории большая часть абитуриентов поступала в вузы на основе свободной конкуренции. См.: Народное просвещение в РСФСР к 1927–28 учебному году... С. 108.

¹⁵ Культурное строительство в РСФСР... С. 159–161.

ществу населения». В результате большинство выпускников школ 2-й ступени, главным образом дети интеллигентов, были лишены возможности продолжить свою учебу¹⁶.

Тем не менее государство, ограничивая для выпускников средней школы возможность учиться в вузах, прагматически стремилось использовать их образовательный потенциал. Для этого в конце 1920-х гг. была осуществлена профессионализация второго центра школ 2-й ступени (8–9-е классы): школы получили право готовить в своих стенах специалистов народного хозяйства определенного профиля. Наиболее распространенным «уклоном» был педагогический, в его рамках средние школы занимались подготовкой учителей начальной школы. Кроме того, имелись кооперативный, промышленно-экономический, административно-советский и тому подобные «уклоны»¹⁷.

Противники школ 2-й ступени, выступавшие за их ликвидацию, рассчитывали, что рабочие факультеты как «своеобразное среднее учебное заведение для рабоче-крестьянской молодежи», а также «повышенная» политехническая школа (ФЗС), где подавляющее число учащихся также составляли выходцы из рабочих, смогут заменить эти «полубуржуазные» школы в качестве главного источника рекрутирования студенчества¹⁸. Судьба средней школы к концу нэпа все еще оставалась предметом спора между различными группами руководства Наркомпроса, однако вырисовывалась четкая тенденция, направленная на инспирирование социальной мобильности выходцев из рабочих за счет превращения среднего профессионального образования в главный источник рекрутирования студенчества.

Не сумев в годы нэпа добиться «пролетаризации» средней школы, которая продолжала оставаться преимущественно уделом выходцев из интеллигенции, «революционеры от образования» использовали представившийся шанс, чтобы разрушить «школу схоластики, словесности и оторванности от производства»¹⁹. По сравнению с 1929/1930 уч. г. количество школ 2-й ступени и соответственно их учеников уменьшилось примерно в 3 раза – до 580 школ и 344,8 тыс. чел.²⁰ Около 46 % школ 2-й ступени были реорганизованы в течение 1930/1931 уч. г. в техникумы, эту реорганизацию планировалось полностью закончить в 1932 г., еще до завершения первой пятилетки. Соответствующее постановление было принято Наркомпросом РСФСР 19 апреля 1930 г. по итогам Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию.

Первые количественные результаты «большого скачка» в сфере школьного образования отличались с точки зрения функционирования школы как лифта социальной мобильности крайней противоречивостью. Казалось бы, впечатляющие приросты объемов лифта неоспоримо свидетельствовали в свою пользу. Однако давать объективную оценку состояния лифта только с опорой на общие недифференцированные статистические данные было бы неверно. Прирост численности неполных средних школ явно не успевал за резким ростом количества начальных школ, что отнюдь не способствовало устранению диспропорции и улучшению преемственности между начальной и неполной средней школой. Так, в 1930/1931 уч. г. доля учащихся «повышенной школы» составляла всего 16,5 % от общей численности школьников в РСФСР. Еще хуже обстояло дело со средним образованием: доля учеников средней школы равнялась в 1930/1931 уч. г. 2,95 % от общей численности школьников и 17,8 % – от численности учащихся «повышенной» школы²¹. Что же касается только старших классов средней школы, то в 1931 г. в СССР в них училось лишь около 3 % лиц, окончивших семилетнюю школу²².

¹⁶ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования... С. 448.

¹⁷ Народное просвещение в РСФСР к 1927–28 учебному году... С. 49.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Культурное строительство в РСФСР... С. 179–185.

²⁰ Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 – 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). М.; Л., 1932. С. 16. В литературе приводятся разные цифры численности средних школ и учащихся в эти годы.

²¹ Культурное строительство в СССР... 1940. С. 40.

²² Народное образование в СССР, 1917–1937 гг. М., 1967. С. 64.

В итоге начальная школа, являвшаяся основным сегментом института школьного образования, могла обеспечить подавляющему большинству учащихся лишь преимущественно «короткие» лифты социальной мобильности. В условиях, когда в СССР по-прежнему насчитывались десятки миллионов неграмотных и даже представители партийно-государственной элиты редко могли похвастать образованием в объеме дореволюционной гимназии, не говоря уже о высшем образовании, знания в объеме начальной школы действительно могли способствовать успешным социальным перемещениям. Однако в таком случае образование было только одним и далеко не самым важным фактором мобильности.

Серьезные последствия для образовательной, а в конечном итоге и для социальной мобильности скрывала в себе попытка устранить из состава общеобразовательной школы сегмент средней школы в качестве основного источника рекрутирования студенчества. После кампании по ликвидации средних школ и преобразования их в техникумы в РСФСР в 1931/1932 уч. г. осталось всего четыре средние школы, в которых обучались 4,2 тыс. учеников²³. Планировалось, что с задачей подготовки абитуриентов теперь успешно справятся профессионально-технические учебные заведения, основной контингент которых составляла рабочая молодежь, что закономерно должно было существенно ускорить групповую социальную мобильность выходцев из рабочих. Роль главной «кузницы» студенческих кадров отводилась школам фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), построенным на базе школы-семилетки, которые были призваны «обеспечить усвоение учащимися общего и политехнического образования, позволяющих продолжать образование в высшем учебном заведении»²⁴.

Однако ФЗУ, прямым предназначением которых являлась подготовка квалифицированных рабочих, плохо справлялись с задачей подготовки абитуриентов. ФЗУ в основном комплектовались учащимися пятых и sixth групп школ ФЗС, в результате, как признавал в августе 1931 г. А.С. Бубнов, происходило «понижение образовательного уровня учащихся в школах фабрично-заводского ученичества». По данным весеннего приема 1930 г., число учащихся ФЗУ с образованием в объеме начальной школы составляло около 59 %, с семилетним – 23,5 %. Рост численности ФЗУ и общего числа учащихся (в 1931 г. общее число учащихся ФЗУ составляло 453,7 тыс. чел., в 1932 г. планировалось набрать 662,1 тыс.) привел к тому, что доля выпускников семилеток среди принятых в ФЗУ продолжала сокращаться, при этом среди учащихся ФЗУ росло число лиц, не окончивших даже начальную школу²⁵.

Качественная «революционная» трансформация общеобразовательной школы, помимо устранения школ 2-й ступени, заключалась в так называемой политехнизации процесса обучения: начальная и «повышенная» школа прикреплялась к промышленным предприятиям, совхозам, колхозам и МТС. Основу учебного процесса, непосредственно увязанного с производственным процессом, теперь должно было составлять «трудовое обучение» в форме так называемого «метода проектов», горячим сторонником которого являлась Н.К. Крупская. «Метод проектов» предполагал выполнение школьниками производственных заданий с использованием полученных в школе знаний в рамках договоров, которые заключались между школами и производственными организациями. Например, школы колхозной молодежи производили для колхозов подсчеты трудодней, занимались обмером сельскохозяйственных площадей и т.д.

25 июля 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах культурного строительства в связи с итогами II Всесоюзного партсовещания

²³ Культурное строительство в СССР... С. 40.

²⁴ Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «К докладу о состоянии и задачах начальной и средней школы» от 4 августа 1931 г. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 92.

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 92–93; *Веселов А.Н.* Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР: Очерки по истории профтехобразования. М., 1955. С. 183. По данным А.С. Бубнова (1931 г.), численность учащихся ФЗУ и школ ученичества массовых профессий составляла в СССР в 1929 г. 163 тыс., в 1930 г. – 589 тыс. и в 1931 г. – свыше миллиона человек. См.: *Бубнов А.С.* Основные вопросы перестройки высшего образования // Коммунистическое просвещение. 1931. № 9. С. 23.

по народному образованию»²⁶. Основной посыл постановления сводился к тому, что «старая» предметная «схоластическая» школа уделяет слишком много внимания общеобразовательным задачам в ущерб интересам пролетариата, в то время как советская школа не должна стоять в стороне от «бурной жизни». В первую очередь школа обязана выполнять ленинский завет: «каждый шаг учебы соединить с трудом рабочих и крестьян»²⁷. В «политехнической» школе учитель в первую очередь должен был «идеологически воспитывать» детей, а уж только потом учить их. Во главе процесса «перевода школы на рельсы политехнизма» оказались наиболее левые деятели Наркомпроса, которые требовали «освободить» школу от «традиционных излишеств» и пересмотреть все учебные программы «с точки зрения ускорения темпа»²⁸.

1930 год был объявлен в РСФСР годом «массового движения за политехническую школу», в августе 1930 г. состоялся Первый съезд по политехническому образованию, сыгравший «крупнейшую роль в деле мобилизации масс для борьбы за действительно политехническую школу». Первые итоги введения всеобщего начального обучения и политехнизации «массовой школы» были подведены в марте 1931 г. на XV Всероссийском съезде Советов. Прикрепление школ к производственным предприятиям, колхозам и совхозам осуществлялось в течение года в рамках массовой кампании под руководством партийных организаций, органов РКИ, профсоюзов и комсомола. По состоянию на 15 апреля 1931 г., по РСФСР (без учета автономий) были прикреплены к производству 65,5 % школ 1-й ступени, 97,5 % школ ФЗС и 93,6 % ШКМ²⁹.

Переход от «словесной», «предметной» школы к «развернутой политехнической школе» и организация производственного труда учащихся путем непосредственного обучения на предприятиях привели к коллапсу учебы. Левые деятели Наркомпроса превозносили как крупное достижение «включение школы» в производственный процесс, но даже ярые сторонники политехнизации школы были вынуждены признать, что на практике все сводилось преимущественно к эксплуатации детей, причем главным образом на «черновой» подсобной работе. Руководство предприятий не было заинтересовано в том, чтобы допускать школьников к станкам или сложным сельскохозяйственным машинам, что было чревато поломками, производственным браком, травмами и нарушением производственного процесса в целом. В результате, по свидетельству А.С. Бубнова, имели место «случаи недопустимой нагрузки на ребят и даже изматывание их на совершенно непосильной для детей и подростков работе», вплоть до работы во вредных цехах. Труд учащихся никак не регламентировался, особенно в деревне, дети вместо учебы зачастую работали по 10–12 часов. Руководство колхозов и совхозов рассматривало их как источник дармовой рабочей силы. В итоге «совершенно игнорировались цели обучения и воспитания, связанные с производственным трудом школьников»³⁰. В самом лучшем случае политехнизм подменялся «узким ремесленничеством» или «многоремесленничеством».

В своем докладе на Политбюро в начале августа 1931 г. А.С. Бубнов сетовал также на то, что политехнизацию школы стали осуществлять без наличия разработанных программ и методик «применительно к условиям различных производств». На деле положение обстояло гораздо хуже, потому что в угаре революционных преобразований было принято решение фактически отказаться от типовых учебников по предметам, заменив их некими политехническими учебниками-журналами, которые должны были оперативно реагировать на революционные изменения в жизни Страны Советов³¹. Как заявлял А.С. Бубнов,

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 73.

²⁸ Цит. по: *Смирнова Т.М.* «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 37.

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 45.

³⁰ Там же. Л. 48–49.

³¹ См. подробнее: *Сенькина А.А.* Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7). С. 60–91.

«по содержанию журнал-учебник в настоящее время в большей мере удовлетворяет требованиям школы, чем постоянный учебник, так как вопросы современности находят в нем более широкое и своевременное освещение»³².

Еще одним ударом по «старой» школе стала кампания по увольнению «консервативного и классово-чуждого пролетариату» учительства, развязанная в 1930–1931 гг. Чистка была вызвана обеспокоенностью властей неблагоприятным социальным составом учительства. По данным выборочной переписи «просвещенцев» (январь 1931 г.), в школах 1-й степени и школах-семилетках (без ФЗС и ШКМ) доля выходцев из рабочих составляла лишь 16,0 %, из крестьян – 26,1 %, из служащих – 44,1 %, из кустарей и лиц свободных профессий – 5,15 %, из прочих – 8,65 %. При этом доля членов и кандидатов в члены ВКП(б) составляла соответственно 7,0 %, ВЛКСМ – 7,6 %. По ФЗС и ШКМ доля «партийных» учителей была лишь незначительно выше³³. Для «исправления» ситуации в 1931 г. была проведена кампания по мобилизации на учительские должности около 30 тыс. комсомольцев.

При этом чистка педагогического состава проводилась, невзирая на резкую нехватку учителей. Потребность в педагогах только начальной школы оценивалась на 1931/1932 уч. г. в размере 75 тыс. чел., еще около 39 тыс. требовалось для ФЗС, ШКМ и ФЗУ, в то время как выпуск из педвузов составил в 1931 г. лишь 3 200 чел. при общей численности студентов около 27 тыс. чел. В определенной мере ситуацию спасали выпускники педтехникумов, общая численность их курсантов составляла в 1931/1932 уч. г. около 102 тыс. чел.³⁴ Следствием политехнизации школы также стала попытка перестроить всю систему подготовки педагогических кадров под лозунгом отказа от подготовки педагога-предметника. Теперь планировалось ограничиться только массовой «политехнической» подготовкой учителей отдельно для индустриально-технических, отдельно – для «агропедагогических» школ.

Фактически политехнизация школы в условиях «революции сверху» означала крах советской школы как образовательного института и ее превращение в дополнительный элемент промышленного производства и колхозной системы. Речь здесь шла не о неких педагогических экспериментах, а о судьбе массовой общеобразовательной школы, ее фактическом нивелировании в качестве традиционного эффективного образовательного института. Если предположить, что политехническая школа образца 1930–1931 гг. надолго стала бы основой советской школьной системы, то можно с уверенностью утверждать, что это первоначально не отразилось бы на объемах образовательной и социальной мобильности. Более того, учитывая радикальную трансформацию средней профессиональной и особенно высшей школы, происходившую параллельно и нацеленную на максимальное упрощение и ускорение процесса подготовки кадров³⁵, эти объемы имели все шансы увеличиться, а дистанции социальной мобильности удлиниться, что фактически и произошло в последние годы первой пятилетки. Однако такая организованная мобильность в долгосрочной перспективе грозила вылиться в серьезные проблемы для экономики и бюрократии, поскольку высокие места на социальной лестнице в массовом порядке заняли бы специалисты и управленцы, низкий уровень квалификации которых не отвечал бы даже минимальным стандартам.

Партийно-советское руководство СССР достаточно быстро стало осознавать необходимость выбирать между «плюсами» политехнизации школьного образования в виде «обращения» школьников, в том числе выходцев из интеллигенции и «прочих» групп населения, а также их усиленной идеологической обработки, и «минусами» провала общеобразовательной теоретической подготовки и, как следствие, провала всей системы профессионально-технической и высшей школы. То, что такое понимание присутствовало, проде-

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 81.

³³ Народное просвещение в РСФСР в основных показателях... С. 80. Подсчет наш.

³⁴ Там же. С. 86.

³⁵ См., например: Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 523–563; Савин А.И. Высшее образование в РСФСР как лифт социальной мобильности (1918–1936 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 43–49.

монстрировало постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе». Отдав дань «успехам» политехнизации школы, в постановлении констатировалось, что «*коренной недостаток* школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук»³⁶. Постановление предписывало начать учебу по новым программам уже с 1 января 1932 г. Хотя речь все еще шла о необходимости политехнизации школы, было ясно, что теперь вся политехнизация будет сведена в лучшем случае к школьным мастерским и рабочим комнатам. Таким образом, уже осенью 1931 г. начался возврат к традиционным формам обучения и нормализации учебного процесса, стала шириться критика теории «отмирания школы» и «метода проектов» как универсальной замены учебных программ, систематических занятий и школьной организации в целом.

Спустя год, 25 августа 1932 г., было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», подтверждавшее курс на «действительное, прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.». В своих правах была восстановлена классно-урочная система обучения с учебниками по предметам, индивидуальными оценками успеваемости и экзаменами. Таким образом, прагматические интересы государства вынудили партийное руководство признать неудачной и предать анафеме идею «политехнической» школы. Последний рудимент политехнической школы – трудовое обучение – был ликвидирован в качестве самостоятельного предмета в марте 1937 г.

Кратковременность «политехнического» эксперимента позволила относительно быстро справиться с его негативными последствиями. Тем более политехнизация практически не отразилась на «внешней», количественной стороне состояния системы школьного образования. Численность учащихся начальной школы составила в 1931/1932 уч. г. 9 348 тыс. (около 227 тыс. школ), в 1932/1933 уч. г. – 8 581 тыс. чел. (около 226 тыс. школ). Показатели по неполной средней школе равнялись 3 652 тыс. (около 12 тыс. школ) и 3 811 тыс. чел. (около 14,4 тыс. школ)³⁷.

Достаточно оперативно была исправлена катастрофическая ситуация в области среднего образования. Уже в 1932/1933 уч. г. численность средних школ выросла до 791, учащихся – до 878,5 тыс. и продолжала неуклонно расти³⁸. Восстановление в правах средней школы как главного источника рекрутирования студенчества привело к резкой переоценке роли школ ФЗУ как связующего звена между общеобразовательной и высшей школой. Согласно постановлению ЦИК СССР от 15 сентября 1933 г. «О школах фабрично-заводского ученичества», было предпринято радикальное сокращение сроков обучения в ФЗУ (с двух лет до шести месяцев), школьная программа максимально упрощалась и, что самое важное, была предпринята попытка фактически прикрепить выпускников ФЗУ к производству, запретив им поступать в техникумы, втузы и вузы³⁹.

Партийно-государственная политика и реальные процессы школьного строительства в последующие годы, особенно в 1933–1936 гг., убедительно продемонстрировали, что с революционными экспериментами в сфере общеобразовательной школы было покончено. Негативный опыт политехнизации привел к тому, что руководство СССР стало уделять основное внимание не политическим, а материально-техническим вопросам школьного строительства, формированию «классической» структуры средней школы и возвращению к традиционным формам учебы.

Одним из главных направлений деятельности стало расширение сети школ, что было призвано оказать самое непосредственное воздействие на увеличение объемов социальной

³⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Т. 4: (1927–1931). М., 1970. С. 570.

³⁷ Культурное строительство в СССР... С. 40.

³⁸ Там же.

³⁹ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования... С. 483–484.

мобильности населения. Начиная с апреля 1932 г. и вплоть до октября 1940 г. был принят ряд постановлений партии и правительства, требовавших вернуть в ведение союзных Наркомпросов школьные здания, занятые посторонними учреждениями. Например, в 1935 г. в СССР было освобождено и передано отделам народного образования 941 бывшее школьное здание на примерно 225 тыс. ученических мест⁴⁰.

Однако только один возврат бывших зданий школ не мог решить задачу нормализации работы системы школьного образования и обеспечить местами постоянно растущий контингент детей школьного возраста. Прямым следствием дефицита школ стала так называемая «многосменность», когда школьники учились в две, а зачастую и в три смены. «Многосменность» рассматривалась партийно-советским руководством СССР в качестве серьезного институционального препятствия на пути качественного улучшения учебного процесса. 22 февраля 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве школ в городах», нацеленное на решение проблемы «многосменности» в школах за счет массового школьного строительства⁴¹. В результате только в 1935 г. в городах и рабочих поселках в СССР было введено в эксплуатацию 533 школы (в том числе 350 средних) на 286 тыс. мест и 2 829 школ в сельской местности на 513 тыс. мест. Кроме того, в уже существующих школах было дополнительно создано 250 тыс. мест⁴².

Однако даже такое массовое строительство не поспевало за растущей численностью учащихся. В 1933/1934 уч. г. общая численность учеников всех типов школ равнялась в РСФСР 14 140 тыс. чел., в 1934/1935 уч. г. – около 14 998 тыс., в 1935/1936 уч. г. – около 16 324 тыс. чел. При этом наиболее стремительно росла численность учащихся средних школ: в 1933/1934 уч. г. – около 1 345 тыс. чел., в 1934/1935 уч. г. – около 1 937 тыс. чел., в 1935/1936 уч. г. – около 2 674 тыс. чел.⁴³ В результате школы продолжали работать в две-три смены «с огромной перегрузкой», значительное число школ размещалось в каркасно-засыпных бараках, стремительно приходявших в негодность⁴⁴.

В последующие годы в школьное строительство продолжались вкладываться крупные суммы. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 марта 1936 г., на сооружение городских школ в 1936 г. было выделено 844 435 тыс. руб., из них 79 963 тыс. руб. – за счет хозяйственных наркоматов. На эти средства планировалось построить 1 507 школ на 890 530 мест, из них в РСФСР – 1 054 школы на 635 370 мест⁴⁵. План школьного строительства на 1937 г. – предусматривать «развертывание не менее 500 тыс. ученических мест» в городах и рабочих поселках, что должно было обеспечить прирост учащихся и способствовать уменьшению «многосменности»⁴⁶.

Количественный рост школ и укрепление материально-технической базы сопровождалась перестройкой организации и содержания учебного процесса. Главной задачей общеобразовательной школы теперь было объявлено качество подготовки. Даже школьные ученические организации в первую очередь были ориентированы на повышение успеваемости учащихся и лишь во вторую – на общественную деятельность, воспитание школьников в духе пролетарского интернационализма и коллективизма. Высшее руководство страны в свою очередь уделяло пристальное внимание вопросам организационного характера, призванным стабилизировать и гармонизировать развитие школы. 15 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы», в соответствии с которым вводилась четкая организационная структура в виде четырехклассной начальной школы, семиклассной неполной средней и десятиклассной средней школы. По сути, создавался единый цельный организм средней школы с четкой преемственностью между типами школ. Лица, окончившие неполную среднюю школу, имели право

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 61. Л. 16.

⁴¹ Там же. Л. 77–78.

⁴² Там же. Л. 106.

⁴³ Культурное строительство в СССР... С. 40.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 61. Л. 94.

⁴⁵ Там же. Л. 158.

⁴⁶ Там же. Л. 178.

преимущественного поступления в техникумы, среднюю школу – в высшие учебные заведения. Постановлением также определялся порядок назначения заведующих начальными и директорами неполных средних и средних школ, запрещалось использовать лиц, имевших специальное педагогическое образование, на работах не по специальности⁴⁷.

Параллельно осуществлялась нормализация и унификация учебного процесса⁴⁸. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннего распорядка в начальной, неполной средней и средней школе» вводилась единая пятибалльная системы оценки знаний, единый ученический билет и школьная форма одежды (с 1936 г. в столичных школах и школах в ряде крупных городов). Отличники по основным предметам получали право поступления в вузы без экзаменов.

Конец 1935 г. знаменовался изменением политики в отношении специфической «школьной резервации», возникшей в начале 1930-х гг. в местах поселения высланных «кулаков». На 1935/1936 уч. г. в составе системы трудпоселений на территории спецкомендатур в СССР функционировало 1 268 начальных школ со 152 129 учащимися, 268 неполных средних школ – 49 002 учащихся, еще 9 325 чел. учились в школах ФЗУ и «на разных курсах». Школы, как правило, размещались в непригодных помещениях, испытывали огромный недокомплект учителей, значительную часть которых вербовалась из числа самих трудпоселенцев, а также острейший дефицит учебников и тетрадей, в качестве которых использовались газеты⁴⁹. 15 декабря 1935 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О школах в трудпоселках», которое было нацелено на существенное улучшение положения этих школ, а также отменяло наиболее жесткие дискриминационные ограничения на получение детьми спецпереселенцев среднего, специального и высшего образования⁵⁰. В развитие этого постановления 23 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили циркуляр о приеме в учебные заведения детей лиц, высланных и сосланных в административном порядке⁵¹. В июне 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило выезд во все города СССР для поступления в вузы отличникам учебы из детей спецпереселенцев Енисейского Заполярья. Эти изменения означали резкое расширение возможностей и объемов социальной мобильности для молодежи из числа маргинальных групп советского общества.

Во второй половине 1930-х гг. система школьного образования набрала, несмотря на все недостатки и дефициты, «крейсерскую» скорость, и речь теперь шла преимущественно о поддержании темпов роста. Всего, по данным СНК СССР, за 1936–1939 гг. в СССР было построено 13 727 новых школьных зданий на 3 714 220 ученических мест. В 1936/1937 уч. г. общая численность учеников всех типов школ равнялась в РСФСР 17 658 тыс. чел. (около 108,4 тыс. школ), в 1937/1938 уч. г. – около 19 038 тыс. (около 110 тыс. школ), в 1938/1939 уч. г. – около 20 409 тыс. чел. (около 112,4 тыс. школ)⁵².

Однако рост числа школьных мест по-прежнему не успевал за увеличением численности учащихся, занятия в значительной части школ по-прежнему проходили в две-три смены. В 1940 г. прирост учащихся в РСФСР составил 1,5 млн чел., тогда как минимальная программа строительства предусматривала ввод в эксплуатацию 1 099 школ на 332 тыс. ученических мест⁵³. Всего в 1940/1941 уч. г. в СССР насчитывалось 199 тыс. школ всех типов, в которых 1 237 тыс. учителей обучали 35 528 тыс. школьников, в том числе 2 558 тыс. составляли ученики 8–10-х классов. Важным для характеристики состояния института школьного образования в целом следует признать тот факт, что численность учеников средних школ (12,2 млн чел.) превзошла численность учеников начальной школы (9,8 млн чел.) и примерно равнялась численности учащихся семилетней школы (12,5 млн чел.)⁵⁴.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 46.

⁴⁸ Там же. Л. 71–75.

⁴⁹ Там же. Л. 174.

⁵⁰ Там же. Л. 172–173.

⁵¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 152–153.

⁵² Культурное строительство в СССР... С. 40.

⁵³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 62. Л. 34 // Записка В.П. Потемкина И.В. Сталину от 22 июня 1940 г.

⁵⁴ Народное хозяйство в СССР в 1956 году: статистический ежегодник. М., 1957. С. 222–223.

К началу 1940-х гг. объемы образовательной мобильности в сфере школьного образования увеличились в РСФСР по сравнению с началом 1930-х годов в 2 раза. При этом, в отличие от периода «революции сверху», государству удалось добиться устранения серьезных диспропорций и усиления преемственности между начальной, неполной средней и средней школой. Фактически сформировалась однородная система школьного образования, успешно решавшая задачу подготовки кадров, способных продолжить обучение в системе профессионально-технического и высшего образования. В качестве положительного момента следует также отметить превращение средней школы в практически единственный источник рекрутирования студенчества. В результате советская школа стала одним из самых доступных и быстрых лифтов вертикальной социальной циркуляции, который обеспечивал многомиллионные объемы социальной мобильности, при этом преимущественно пользовались наиболее одаренные и подготовленные ученики.

Важным рубежом в развитии советской школы стало постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г., вводившее платное обучение в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и изменявшее порядок назначения стипендий. Согласно постановлению, плата вводилась, «учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений» с 1 сентября 1940 г. в 8–10-х классах средних школ, а также в техникумах, педагогических училищах, сельскохозяйственных и других специальных средних заведениях в размере 150–200 руб. в год, в вузах – в размере 300–400 руб. в год.

Решение о введении платности образования следует рассматривать с учетом указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах», который был также обнародован 2 октября 1940 г. Указ предусматривал ежегодно выпускать из стен ремесленных и железнодорожных училищ с двухгодичным сроком обучения, а также школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) с шестимесячным сроком обучения без отрыва от производства 800 тыс. – 1 млн рабочих⁵⁵. Если первые два вида учебных заведений готовили квалифицированных рабочих, то ФЗО были призваны выпускать главным образом рабочих массовых профессий для угольной, горнорудной, металлургической, нефтяной промышленности и строительства.

Значительную часть «контингентов» курсантов училищ и учащихся ФЗО должны были составить выпускники неполной средней школы, для которых введение платы за обучение в старших классах делало проблематичным получение среднего образования. Набор молодежи в возрасте 14–15 лет в училища и в возрасте 16–17 лет в школы ФЗО проводился путем принудительной мобилизации по разнарядкам горсоветов и колхозов. Три четверти учебного времени в ФЗО и училищах отводилось на производственное обучение⁵⁶. После окончания училищ и ФЗО выпускники были обязаны четыре года отработать на государственных предприятиях. Введение принудительной мобилизации подростков безусловно следует рассматривать как составную часть общей милитаризации системы промышленного производства, ужесточения уголовной и административной ответственности рабочих за нарушения трудовой дисциплины и их прикрепления к предприятиям в предвоенные годы⁵⁷.

Руководство системой подготовки трудовых резервов возлагалось на Главное управление трудовых резервов при СНК СССР (ГУТР). К ноябрю 1940 г. преимущественно на базе ФЗО было создано 1 549 школ ФЗО и училищ с 602 тыс. учащихся. К маю 1941 г. функционировало 1306 школ ФЗО (364 тыс. учащихся) и 744 училища (345 тыс. учащихся). В 1940/1941 уч. г. в системе ГУТР насчитывалось уже около 4 тыс. учебных заведений и около 1 млн учащихся⁵⁸.

⁵⁵ О государственных трудовых резервах СССР (Указ от 2 октября 1940 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 37.

⁵⁶ Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования... С. 488.

⁵⁷ Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 71–80.

⁵⁸ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 295.

С точки зрения социальных перемещений введение платности среднего образования и принудительные мобилизации были призваны стать барьером, лимитировавшим объемы мобильности молодежи и канализовавшим ее в сферу профессионального образования и, в конечном итоге, промышленного производства. Введение такого барьера было также признаком того, что руководство СССР посчитало, что институт средней школы достиг на тот момент своего оптимального уровня развития и дальнейшее наращивание численности выпускников со средним образованием не отвечает интересам народного хозяйства, перестраивавшегося на военный лад.

Литература

Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 435–493.

Бубнов А.С. Основные вопросы перестройки высшего образования // Коммунистическое просвещение. 1931. № 9. С. 16–23.

Веселов А.Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР: Очерки по истории профтехобразования. М., 1955. 327 с.

Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 523–563.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994. 418 с.

Народное образование в СССР, 1917–1937 гг. / под ред. М.Н. Прокофьева. М., 1967. 544 с.

Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 71–80.

Савин А.И. Высшее образование в РСФСР как лифт социальной мобильности (1918–1936 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 4. С. 43–49.

Сенькина А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7). С. 60–91.

Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. 295 с.

References

Balashov, E.M. (2012). Politika v oblasti shkol'nogo, professional'no-tekhnicheskogo i srednego spetsial'nogo obrazovaniya, 1917–1941 gody [The Policy in the Area of School, Vocational and Specialised Secondary Education, 1917–1941]. In *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, pp. 435–493.

Bubnov, A.S. (1931). Osnovnye voprosy perestroyky vysshego obrazovaniya [Main Questions of Restructuring Higher Education]. In *Kommunisticheskoe prosveshchenie*. No. 9, pp. 16–23.

Devid-Foks, M. (2012). Nastuplenie na universitety i dinamika stalinskogo Velikogo pereloma (1928–1932 gody) [The Attack on the Universities and the Dynamics of the Stalinist Great Break (1928–1932)]. In *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, pp. 523–563.

Khlevnyuk, O.V. (1996). *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody* [Political Bureau. The Mechanisms of Political Power during 1930s]. Moscow. 295 p.

Korzhihina, T.P. (1994). *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991 g.* [The Soviet State and its Institutions: November 1917 – December 1991]. Moscow. 418 p.

Papkov, S.A. (2011). Karatel'noe pravosudie na trudovom fronte v SSSR v 1941–1945 gg. [The Punitive Justice on the Labour Front in the USSR in 1941–1945]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 71–80.

Prokof'ev, M.N. (Ed.). (1967). *Narodnoe obrazovanie v SSSR, 1917–1937 gg.* [People's Education in USSR by 1917–1937]. Moscow. 544 p.

Savin, A.I. (2016). Vysshee obrazovanie v RSFSR kak lift sotsial'noy mobil'nosti (1918–1936 gg.) [Higher Education in the RSFSR as an Elevator of Social Mobility (1918–1936)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 43–49.

Sen'kina, A.A. (2012). Posledniy avangardnyy proekt sovetskoy shkoly: zhurnaly-uchebniki 1930–1932 gg. [Last Vanguard Project of the Soviet School: Journals-Textbooks of 1930–1932]. In *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. No. 4 (7), pp. 60–91.

Smirnova, T.M. (2003). “V proiskhozhdenii svoem nikto ne povinen...”? Problemy integratsii detey “sotsial'no chuzhdykh elementov” v poslerevolyutsionnoe rossiyskoe obshchestvo (1917–1936 gg.) [“No One is Guilty of His Own Origin...”? Problems of Integration of Children of “Socially Alien Elements” in the Postrevolutionary Russian Society]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 28–42.

Veselov, A.N. (1955). *Nizshee professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v RSFSR: Ocherki po istorii proftekhobrazovaniya* [The Low Professional and Technical Education in the RSFSR: Essays on the History of Professional and Technical Education]. Moscow. 327 p.